

Цинь Шо замер, но стоило ему обернуться и увидеть Цзинь Вэйли, как давившая на грудь тревога бесследно растаяла. Он понял: его ставка сыграла.

— Вэй... — имя оборвалось на полуслове.

Цзинь Вэйли стиснул его в объятиях — порывисто, отчаянно, прижимая к себе изо всех сил. Его прерывистое, горячее дыхание шевелило волосы у виска, а в хриплом голосе звенело облегчение — хрупкое счастье человека, который чудом вернул то, что едва не потерял навсегда:

— Я думал... думал, больше никогда тебя не увижу. Какое счастье... Господи, какое счастье, что я тебя нашел.

В тесном объятии их сердца бились в один безумный такт, и Цинь Шо наконец обрел долгожданный покой. Он робко, медленно обнял юношу в ответ. Остатки недавнего ужаса бесследно растаяли, вытесненные волной ласкового, убаюкивающего тепла.

Он и сам хотел признаться в этом.

Какое счастье, что кошмар оказался лишь мёроком. Счастье, что единственный человек, которому он мог безгранично доверять, жив и невредим, и сейчас стоит рядом.

Но хрупкий миг безмятежности разбился вдребезги. Земля под ногами содрогнулась, до ушей донесся зловещий скрежет. Оба мгновенно подобрались и повернулись на звук: темный подземный проход ходил ходуном, а с каменного свода ручьями сыпалась вековая пыль и мелкое крошево.

— Это Линъю, — в один голос выдохнули они с Цзинь Вэйли.

Оглядевшись при слабом, мерцающем свете меча, Цинь Шо поднялся на ноги. В голове внезапно родилась безумная догадка. Он крепко сжал ладонь Цзинь Вэйли:

— Старейшина Уцзинь утверждал, что Линъю затаился на самом дне глубокого омута. Но мы-то в пещере! Старейшина ни за что бы не стал нас обманывать и давать ложный след.

Грохот нарастал, сверху полетели уже крупные обломки скал. Цзинь Вэйли мгновенно уловил ход его мыслей.

— Если только... — глаза его расширились, — мы вообще не в пещере, а в очередной иллюзии Линъю!

Стоило ему договорить, как иллюзорные стены с оглушительным треском лопнули, осыпавшись

прахом, а каменный пол под ногами просто растаял. Не успев даже вскрикнуть, они полетели в бездонную, ледяную бездну темных вод.

И они начали тонуть, погружаясь все глубже и глубже.

— Гх...

Глухой рокот бурлящей воды заполнил уши, отсекая все остальные чувства. Духовные каналы Цинь Шо были запечатаны, лишая его возможности призвать магию и задерживать дыхание. Ему оставалось лишь беспомощно наблюдать, как тусклое сияние наверху стремительно меркнет, отдаляясь с каждым мгновением.

Вокруг простиралась лишь ледяная, непроглядная толща воды, где не за что было зацепиться. Воздух в легких стремительно таял, и никогда еще Цинь Шо не чувствовал себя таким беспомощным перед лицом стихии.

Но в тот миг, когда сознание уже готово было угаснуть от удушья, в его голове отчетливо прозвучал мысленный голос:

"Брат Цинь, я здесь"

Чья-то крепкая рука мертвой хваткой вцепилась в его пальцы и потянула наверх. Желтые одежды спасителя полыхнули в полумраке золотистым сиянием, подобно пробивающемуся сквозь тучи солнечному лучу.

Через силу приоткрыв глаза, Цинь Шо увидел лицо Цзинь Вэйли. На душе мгновенно стало невыразимо спокойно — где-то на задворках разума мелькнуло дежавю, будто все это уже происходило когда-то давно. Но сил на размышления не осталось: кислородное голодание брало свое, и сознание стремительно ускользало.

Когда до рокового глотка ледяной воды оставался один миг, Цзинь Вэйли, заметив его состояние, резко устремился назад.

Окружающая их вода обжигала холодом, но в кольце чужих рук Цинь Шо ощутил удивительное тепло. Цзинь Вэйли прижался своими губами к его губам, делясь драгоценным воздухом — чистый, спасительный жест, в котором не было и тени похоти.

В глазах все плыло, лицо Вэйли казалось лишь размытым силуэтом. Цинь Шо чувствовал лишь ласковое, размеренное прикосновение и живительные глотки воздуха. Сквозь мерцающие блики воды из глубин его разума начали всплывать забытые картины прошлого, увлекая его за собой.

В калейдоскопе вспыхнувших воспоминаний перед ним предстала пестрая, бурлящая толпа на

рыночной площади. Повсюду выкрикивали зазывалы, шумел праздный люд, но сквозь весь этот гомон отчетливо прозвучал знакомый, лукавый голос:

— Старший брат Цинь, ну и заставил же ты меня ждать!

Картинка прояснилась, залитая ярким солнечным светом. Цинь Шо мог разглядеть даже тончайший пушок на щеках Цзинь Вэйли. Тот улыбался так лучезарно, а его высокий хвост, перехваченный алой лентой, покачивался в такт движениям:

— Чуть не забыл представиться! Я присланный ученик Дворца Небесного Начала, буду помогать тебе с истреблением нечисти. Мое имя Вэйли. Цзинь Вэйли.

Виртуальная капля упала на зеркало памяти, пустив круги по воде, и сцена первой встречи растаяла, сменившись воспоминанием о погоне за свирепой тварью под покровом ночи.

В ушах свистел ветер. Выверенная до мелочей, интуитивная слаженность превращала опасную охоту в увлекательную игру. Стремительно летя сквозь густые заросли, они даже успевали перешучиваться мысленно:

"Брат Цинь, в этот раз ты ведь не станешь отбирать у меня демоническое ядро?"

И он слышал собственный смеющийся голос в ответ:

"Кто знает. Будешь плестись позади — останешься ни с чем"

Воспоминание поплыло, словно размытое каплей туши на бумаге, но перед тем как окончательно угаснуть, до него донеслось шутливое, притворно-обиженное ворчание:

"Брат Цинь, ты опять жульничаешь..."

Сквозь приоткрытое окно донесся утренний щебет птиц из бамбуковой рощи. На тонкой рисовой бумаге под росчерками кисти проступали два иероглифа: «Цинь Шо». Но последний штрих дрогнул — дверь в комнату с грохотом распахнулась, и на свитке расплылась бесформенная клякса.

Вэйли поспешно свернул лист и спрятал его за спину, отводя взгляд. На немой вопрос он смущенно, запинаясь, пробормотал:

— Это... письмо домой.

Но в конце концов таинственное «письмо» все же оказалось на столе. Увидев неоконченное

имя «Цинь Шо», его прошлая копия удивленно замерла. Не успел он вымолвить и слова, как Вэйли, вмиг покраснев, принялся оправдываться все тише и тише:

— Я вовсе не собирался писать отчет во Дворец Небесного Начала... Это матушке. Она знает, что мы вместе охотимся на нечисть, и очень за меня спокойна. Матушка говорит... как только выдастся свободное время, она бы очень хотела с тобой познакомиться.

Цинь Шо отчетливо почувствовал, как у его прежнего «я» сладко заныло в груди, а сердце пропустило удар. Поспешно пряча смущение, он принялся собирать разбросанные по столу свитки и тихо, но твердо ответил:

— Хорошо.

Цзинь Вэйли радостно вскинул голову и захлопал ресницами:

— Правда?

В воспоминании он снова кивнул. Теплые лучи солнца пробивались сквозь кружевную тень бамбуковых ветвей, освещая их звонкий смех. Сцена начала медленно тускнеть и удаляться, но счастливый голос продолжал звенеть в ушах:

— Ловлю тебя на слове! И смотри, не вздумай забыть то, что пообещал!

Когда пелена воспоминаний спала, Цинь Шо уже лежал на берегу, куда его вытащил Цзинь Вэйли. Ласковое солнце согревало промокшее тело, окончательно возвращая к реальности.

Цинь Шо судорожно хватал ртом воздух, содрогаясь в приступе надсадного кашля. Из него выходила озерная вода; одежда промокла насквозь, тело колотило от озноба, но в голове набатом стучали слова: «не вздумай забыть».

— Брат Цинь! Ты как?

Заметив бледные, посиневшие губы Цинь Шо, Цзинь Вэйли напрочь забыл о собственном состоянии. Он торопливо выудил из-за пазухи первую пиллюлю восполнения ци и бережно поднес ее к его губам, взволнованно шепча:

— Скорее, прими лекарство. Тебе сразу станет легче, ну же.

Кое-как проглотив горькую пиллюлю, Цинь Шо неотрывно смотрел на Вэйли. Лишь когда по жилам разлилось живительное тепло, а к конечностям вернулась сила, он тихо улыбнулся:

— Свое обещание... я не забуду.

Цзинь Вэйли замер, словно пораженный заклятием оцепенения. Он неверяще всматривался в его лицо, и лишь мгновение спустя его губы дрогнули, исторгнув полувсхлип-полусмех:

— Ты... вспомнил? Вспомнил меня?

Цинь Шо ласково улыбнулся и кивнул:

— Оказывается, выкинуть тебя из головы — задача не из простых.

— Я так и знал... — Вэйли порывисто прижал его к себе, пряча лицо на его плече и судорожно всхлипывая. — Я знал, что ты вспомнишь! Все эти полгода... я так хотел увидеть тебя. Но... эти сухари из Безжалостной обители и близко меня не подпускали! Даже письма передавать отказывались...

Прижимаясь к его горячей, вздымающейся от рыданий груди, Цинь Шо впервые за долгое время ощутил под ногами твердую почву. Ему больше не нужно было блуждать в потемках своего разума и с опаской прощупывать каждый шаг.

Рядом наконец-то был тот, кому он мог доверять без остатка. Тот, кому можно открыть душу, со всеми ее страхами, тревогами и тайнами.

Он больше не один. Одиночество отступило.

«Пора все рассказать», — решил Цинь Шо.

Он мягко отстранился и, серьезно глядя в покрасневшие глаза Цзинь Вэйли, твердо произнес:

— Вэйли. На самом деле Безжалостная обитель...

Но договорить ему было не суждено. Прямо у них за спинами темная гладь забурлила, со дна начали подниматься огромные пузыри, а воздух содрогнулся от глухого, утробного рокота.

Оба резко обернулись — и замерли от ужаса. Из вспенившейся пучины медленно поднималась исполинская змеиная голова.

Ее налитые кровью вертикальные зрачки хищно сощурились, выискивая жертву. Окатив берег ледяными брызгами, чудовище полностью явило себя, неся с собой удушающую, первобытную ауру смерти.

В этот миг оба поняли: змей из глубокого омута, которого они так долго искали...

Линъю.

Наконец-то явился во плоти.

<http://bllate.org/book/20094/1998511>